

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Въ засѣданіи историко-филолог. общ. 11 февраля 1881 г., профессоръ А. Потебня сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Число гостей нашихъ болѣе обыкновеннаго. Есть основаніе думать, что нѣкоторые изъ нихъ привлечены невѣрными слухами о характерѣ нашего собранія. Въ виду этого считаю нужнымъ сказать, что, какъ вообще цѣль нашего общества—содѣйствовать развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній, такъ и настоящее собраніе назначено не для изліянія чувствъ, хотя бы и самыхъ благородныхъ, и не для причтенія, такъ сказать, О. М. Достоевскаго къ лику святыхъ и пророковъ, а для спокойнаго обмѣна мыслей о его литературной и публицистической дѣятельности. Полезное чествованіе дѣятеля мысли есть стараніе понять его“....

Главныя мысли сообщенія А. Потебни о „Дневникѣ писателя“ Достоевскаго:

Художественный (въ частности поэтический) и прозаическій (не образный, отвлеченный, научный) способъ мышленія — равноправны и равновѣчны. Трудно сказать, который распространеннѣе и въ наше время. Художникъ, создавшій образъ, можетъ самъ объяснять его намъ, но этихъ толкованій мы, большею частью, не принимаемъ: намъ образъ почти неизбѣжно говорить не то, что своему создателю. Лучшее въ „Дн. пис.“ — то, что образно, поэтично, иносказательно. Къ остальному мы можемъ приложить сказанное Достоевскимъ о Гоголѣ и Грибоѣдовѣ: „Гоголь въ своей „Перепискѣ“ слабъ, хотя и характеренъ; Гоголь въ тѣхъ мѣстахъ „Мертвыхъ душъ“, гдѣ переставая быть художникомъ, начинаетъ разсуждать прямо отъ себя, просто слабъ, даже не характеренъ.... Нравоученія Чацкаго несравненно ниже самой комедіи и частью состоятъ изъ чистаго вздора“ (Дн. Пис. I, 96), съ тою оговоркой, что и Гоголь и Достоевскій въ своихъ разсужденіяхъ вездѣ характерны.

Изъ „Дн. Пис.“ (содержаніе коего можетъ быть подведено къ 3 отдѣламъ: мы, т. е. русское образованное общество, народъ и Западная Европа) былъ приведенъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, по мнѣнію лектора, какъ далеко читатель можетъ расходиться съ

авторомъ въ пониманіи образовъ, созданныхъ этимъ послѣднимъ. Достоевскій вездѣ наклоненъ придавать рѣшительное значеніе идеѣ и личному усилю воли, умаляя значеніе порядка вещей, прочно воспитывающаго умъ и волю въ извѣстномъ направленіи. Другіе примѣры оттуда же, на темы „какъ возникаетъ любовь къ дѣтямъ?“, „какъ возникаетъ любовь къ народу?“, „происходятъ ли у насъ самоубійства отъ потери идеи безсмертія?“ служатъ доказательствами, что всѣ подобныя явленія носятъ на себѣ характеръ обязательныхъ условій среди коихъ возникли. Вѣрно наблюденіе Достоевскаго (Дн. П. II, 24), что мальчикъ гимназистъ, повѣсившійся на гвоздѣ изъ подъ красной доски, чтобы избавиться отъ воображаемаго униженія, и Володя гр. Л. Толстого (Отрочество), въ которомъ угнетенное состояніе духа находитъ выходъ въ мечтахъ о будущемъ величіи, представляютъ разныя стороны одного и того же явленія. Подобныя мечты съ отчаянія, могутъ вырождаться, смотря по степени развитія и благородства натуры, въ манію величія личнаго или народнаго. Самъ Достоевскій и другіе проповѣдники великорусскаго мессіанизма (когого главныя черты, отличающія его отъ націонализма были вкратцѣ изложены)—съ родни Володѣ Толстого. Мессіаниззмъ (еврейскій, польскій, московскій), вѣра въ то, что извѣстному народу предназначено быть спасителемъ міра, есть вѣра униженныхъ и оскорбленныхъ, долженствующая въ мѣчтѣ вознаградить ихъ за дѣйствительныя страданія и внушить любовь къ жизни. Поднятіе духа есть аппетитъ нормальный, но мессіаниззмъ есть плохой суррогатъ здоровой пищи. Верховныя руководящія идеи не падаютъ сверху, а создаются изъ того самаго матеріала, изъ коего—и кучи мыслей и чувствъ, завершаемыя этими идеями. Какъ реакція дѣйствительному или мнимому униженію и паденію духа, является, такъ сказать, гипсоманія, а не чувство собственного достоинства, равенства и братства. На оборотъ, кто хоть по малости имѣетъ возможность совершать дѣла братства и любви, тотъ врядъ ли почувствуетъ жажду всемірнаго господства, хотя бы и для служенія всѣмъ и спасенія всѣхъ дѣтей Сима, Хама и Афета. Мессіаниззмъ Достоевскаго съ его враждою къ „господамъ русскимъ европейцамъ либераламъ“ (въ числѣ коихъ есть не только холопы просвѣщенія, но и его слуги), перешедши въ практическія сферы, можетъ достигнуть не поднятія народнаго духа, а чего то совсѣмъ другого.